

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

УДК 94(47).082/083

К.П. Победоносцев и иноверческое духовное начальство:
между «идеалами нетерпимости»
и бюрократической прагматикой

Антон Е. Фатеев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, fant2507@gmail.com*

Аннотация. В статье проводится анализ мероприятий, проводившихся под руководством обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева в отношении иноверческих духовных руководителей в Российской империи (муфтиев, мулл, хамбо-лам и лам). Управление имперским этноконфессиональным многообразием требовало от власти использования религиозных институтов, практик и авторитетов в целях поддержания лояльности, управляемости и дисциплины подвластного населения. Ситуацию обострял тот факт, что К.П. Победоносцев, стоявший во главе вероисповедной политики, руководствовался в своей деятельности строго оформленной системой убеждений и представлений, которые вслед за современником можно охарактеризовать как «идеалы нетерпимости». Проблема состоит в специфике политической стратегии К.П. Победоносцева в данном вопросе. Этот аспект может быть детально раскрыт на материалах источников личного происхождения (частной переписки), ведомственной документации и публицистики. Выясняется, что обер-прокурор и его соратники в целом негативно относились к государственному статусу иноверческих духовных лиц, но вынуждены были балансировать в предлагаемых обстоятельствах политической прагматики.

© Фатеев А.Е., 2025

Выход был найден ими в использовании символического потенциала вероисповедной политики. Их усилия были направлены на снижение влияния и подрыв авторитета религиозных лидеров мусульманства и буддизма в России.

Ключевые слова: Российская империя, конфессиональная политика, иноверцы, инородцы, К.П. Победоносцев, Святейший Синод, духовное начальство, муфтий, хамбо-лама

Для цитирования: Фатеев А.Е. К.П. Победоносцев и иноверческое духовное начальство: между «идеалами нетерпимости» и бюрократической pragmatикой // Молодой историк. 2025. № 3. С. 158-168.

K.P. Pobedonostsev and the infidel religious leadership:
between the “ideals of intolerance” and bureaucratic pragmatism

Anton E. Fateev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, fant2507@gmail.com*

Abstract. This article analyzes the events carried out under the leadership of the Chief Prosecutor of the Holy Synod K.P. Pobedonostsev in relation to infidel religious leaders in the Russian Empire (mufti, mullahs, khambo-lamas and lamas). Managing the imperial ethno-confessional diversity required the authorities to use religious institutions, practices and credibility in order to maintain loyalty, controllability and discipline of the subject population. The situation was aggravated by the fact that K.P. Pobedonostsev, who was at the head of religious policy, was guided in his activities by a strictly formalized system of beliefs and ideas, which, following his contemporary, can be characterized as “ideals of intolerance”. The problem lies in the specifics of K.P. Pobedonostsev's political strategy in this matter. This aspect can be disclosed in detail using materials from personal sources (private correspondence), departmental documentation, and journalism. It turns out that generally the chief prosecutor and his associates had a negative attitude towards the state status of non-believing clergy, but were forced to balance in the

proposed circumstances of political pragmatics. They found a way out in using the symbolic potential of religious policy. Their efforts were aimed at reducing the influence and undermining the authority of religious leaders of Islam and Buddhism in Russia.

Keywords: Russian Empire, confessional policy, infidels, foreigners, K.P. Pobedonostsev, Holy Synod, religious authorities, mufti, khambo-lama

For citation: Fateev, A.E. (2025), “K.P. Pobedonostsev and the infidel religious leadership: between the ‘ideals of intolerance’ and bureaucratic pragmatism”, *Young historian*, no. 3, pp. 158-168.

Российская империя была конфессиональным государством. Религия всегда имела особое значение в структуре и мифологии имперской власти. В процессе национального конструирования, начавшегося во второй половине XIX в., имперское и национально-русское переплеталось с конфессиональным – т.е. с «господствующим» православным вероисповеданием. Самодержавие декларировало привилегированность православия во взаимосвязи с фигурой русского царя («царская вера») и «русскостью» в принципе. Но также власть традиционно использовала религиозные структуры и авторитеты инославных и иноверных сообществ для обеспечения лояльности, управляемости и дисциплины в имперском многообразии. Вероисповедная политика выступала в качестве ее «modus operandi» [Миллер 2021, с. 253; Круз 2020, с. 8–9, 14–15, 27; Коллманн 2023, с. 409, 660–661, 676–679].

Наиболее крупным и влиятельным теоретиком и практиком такой политики в России рубежа XIX–XX вв. был обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев. Предметом пристального внимания консервативного сановника и его сотрудников являлся вопрос иноверческого духовного начальства (муфтиев, мулл, хамбо-лам и лам). Само положение нехристианских духовных руководителей как государственных служащих вызывала резкую критику главы духовного ведомства. «Одною из самых печальных ошибок нашего правительства с прошлого столетия было стремление урегулировать государственным законом иностранные

исповедания», — писал Победоносцев цесаревичу Николаю Александровичу в 1891 г. В результате, полагал обер-прокурор, религиозно индифферентные бюрократы облекли нехристианское духовенство «авторитетом госуд[арственной] власти, произведя в сановники или в члены иерархии»¹. Тем самым как бы выказывалось покровительство нехристианским вероисповеданиям со стороны государства, тогда как, по мнению обер-прокурора, таким покровительством должна была пользоваться лишь православная вера.

Той же позиции придерживался крупный миссионер, Иркутский архиепископ Вениамин (Благонравов), подробно излагая вопрос государственного регулирования иноверческого духовенства и его историю с середины XVIII в. в специальной статье. «Мало ли у всякого народа есть предрассудков и суеверий, — возмущался архиепископ, — и ужели правительство обязано поддерживать их, потому что они народные? Так оно обязано было бы содержать и награждать всех шаманов и камов и даже наших русских колдунов и знахарей, потому что и они служат предрассудкам народным»². Против существования муфтиев и лам как официальных государственных лиц решительно восставал церковный писатель и публицист Е.Н. Воронец, признанный специалист «по истории и обличению мухаммеданства»³. «Истинная, добросовестная веротерпимость никогда не должна переходить в покровительство иноверии и суеверию», — провозглашал он⁴.

¹ Письма К.П. Победоносцева к Николаю II. 1890–1902 гг. (Приложение) // Письма Победоносцева к Александру III. В 2 т. Т. 2. М., 1926. С. 297.

² [Вениамин, еп. Селенгинский]. О ламском идолопоклонническом суеверии в Сибири // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1882. № 24. С. 314.

³ Воронец Е.Н. Существенная историческая справка по ламскому вопросу. СПб., 1888; Он же. Ламский вопрос. М., 1888; Он же. Нужны ли для России муфтии? М., 1891; Он же. Нужен ли для России идолопоклонник Бандао-Хамба? (Запитникам идолопоклонства в России). М., 1893.

Его сочинения были высоко оценены Святейшим Синодом и рекомендовались студентам Казанской духовной академии, изучающим миссионерскую деятельность татар.

⁴ Воронец Е.Н. Нужны ли для России муфтии?... С. 8.

Тем не менее главе духовного ведомства приходилось действовать, что называется, в предлагаемых обстоятельствах. По этой причине он стремился обратить государственный статус иноверческого духовенства на пользу своей политике. В частности, обер-прокурор, постоянно советуясь со знатоком мусульманского вопроса, казанским миссионером Н.И. Ильминским, следил за выбором кандидатуры нового муфтия. По их мнению, он должен был соответствовать нескольким критериям. Во-первых, муфтий не должен происходить из знатных и влиятельных аристократов. «Была большая ошибка, — считал Н.И. Ильминский, — со стороны покойного генерал-губернатора [А.П.] Безака выбрать муфтия из богатого, авторитетного и влиятельного в целом крае рода дворян Тевкелевых»⁵. Благодаря такому лидеру, мусульмане, по мнению миссионера, получили возможность усилить свои позиции, в т. ч. в органах самоуправления. Лучше назначить человека, который, например, «весь занят торговыми делами» — он «пороха не выдумает». Или помещика средней руки, «ни богатством, ни аристократизмом, ни влиянием, ни чинами» не выдающегося⁶. Так, назначенный в итоге в 1885 г. М.М. Султанов, будучи татарским землевладельцем, не пользовался среди мусульман богословским авторитетом [Круз 2020, с. 317].

Во-вторых, важен был религиозный индифферентизм кандидата и отсутствие у него националистических, сепаратистских и иных политически неблагонадежных наклонностей. «Нужно всячески избегать касимовцев и крымцев как прогрессистов и националистов», — предупреждал Н.И. Ильминский⁷. При обсуждении кандидатуры А.Г. Ибрагимова К.П. Победоносцев упомял именно на индифферентизм, а Н.И. Ильминский, понимая, что Ибрагимов «видит и знает всю совокупность мусульманского мира на всем лице земли», опасался, что ему «паче чаяния, влезет в голову идея панмусульманская»⁸. Говоря о фигуре М.М. Султанова,

⁵ Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву. Казань, 1895. С. 2.

⁶ Там же. С. 174–175.

⁷ Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору... С. 176.

⁸ РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 146. Л. 31; Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору... С. 177.

Победоносцев особым образом подчеркивал, что отзывы о нем «таковы, что он не является собой фанатиком, и хлопочет будто бы о сокращении мечетей, находя, что их слишком много»⁹. Примечательно, что упования обер-прокурора не оправдались, а опасения Н.И. Ильминского подтвердились. А.Г. Ибрагимов оказался весьма истовым мусульманином – критиковал царскую конфессиональную политику, выступал сторонником панисламизма и пантюркизма и т. п. [Круз 2020, с. 385–386].

В-третьих, муфтий не должен был владеть ораторским искусством, а лучше и вовсе изъяснялся бы неказисто и непривлекательно. «Для нас, – писал Н.И. Ильминский обер-прокурору, – вот что подходяще было бы: чтобы в русском разговоре путался и краснел, писал бы по-русски с порядочным количеством ошибок, трусил бы не только губернатора, но и всякого столоначальника и т. п.»¹⁰.

Нельзя было оказывать муфтию никаких почестей. Н.И. Ильминский гневался, что «...магометанство поднимает голову, а мы, русские, пред ним как бы беззащитны. <...> Это явление надо понимать в связи с... потворством, кое допущено в Петербурге чествованием муфтия Султанова...». Казанский миссионер одобрительно отреагировал на сообщение К.П. Победоносцева о том, что муфтий не был допущен до аудиенции с государем¹¹.

Вообще сам институт муфтията, как и другие формализованные мусульманские институты (например, духовные собрания) со временем вызывали у К.П. Победоносцева все больше опасений. Они, по его убеждению, только способствовали сплочению магометан. Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС), с точки зрения консервативного сановника, вообще активно содействовало исламскому прозелитизму. Заключая тайные межрелигиозные браки, разрешенные ОМДС, магометане, по утверждению обер-прокурора, обращали в ислам

⁹ РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 146. Л. 71.

¹⁰ Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору... С. 177.

¹¹ РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 146. Л. 71; Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору... С. 379, 384.

«как девиц, так и всех затем их родственников»¹². При этом подобная практика противоречила имперскому законодательству, в частности Высочайшему повелению от 2 августа 1854 г. об ограждении язычников от исламского прозелитизма. В этой связи министр внутренних дел Д.А. Толстой в 1888 г. потребовал от Собрания «ширкулярно предписать подведомственным ахунам, муллам и хатыпам воздерживаться на будущее время от совершения браков с язычниками»¹³. Но обер-прокурор был уверен, что, несмотря на распоряжение министра, таковые браки продолжали заключаться. О подобных случаях в одной из станиц Орского уезда Оренбургской губернии сообщал в 1889 г. Н.И. Ильминский¹⁴.

Именно поэтому в 1891 г. консервативный сановник поддержал идею упразднения должности муфтия, закрытия Оренбургского магометанского духовного собрания и передачи духовных дел приверженцев ислама в губернские правления¹⁵. Замысел, правда, остался нереализованным.

Что касается политики в отношении буддийского религиозного руководства, то К.П. Победоносцев с соратниками (прежде всего, архиепископом Вениамином) активно участвовали в пересмотре положения о ламайском духовенстве в 1885 г. Директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДИИ) М.Р. Кантакузен начал составлять служебную записку о ламантах и обратился за сведениями к генерал-губернатору Восточной Сибири Д.Г. Анучину. Владыка Вениамин, узнав об этом через Победоносцева, решил перехватить инициативу. «Кроме миссионеров, здесь нет ни одного светского лица, которое бы сколько-нибудь знакомо было с буддизмом и искажением его – ламайством», – объяснял он¹⁶. Архиепископ начал вести переписку

¹² Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1890 и 1891 годы. СПб., 1893. С. 98.

¹³ РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 146. Л. 57–58.

¹⁴ Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору... С. 302–304.

¹⁵ Всеподданнейший отчет... за 1890 и 1891 годы. СПб., 1893. С. 97, 110.

¹⁶ Частная переписка Высокопреосвященного Вениамина, архиепископа Иркутского, с обер-прокурором Св. Синода К.П. Победоносцевым // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1913. № 1. С. 6–7.

с Кантакузеном и увидел со стороны Министерства внутренних дел заинтересованность в его взгляде на проблематику¹⁷.

Вениамин предлагал правительству прикрепить лам к дацанам (т. к. ограничение числа лам штатами не достигло цели, предполагалось ограничить их хотя бы территориально), запретить им самовольную организацию новых капищ и отправление культа вне дацанов. Кроме того, чтобы инородцы не поступали в ламы во избежание уплаты налогов, нужно было разложить ясак и подати и на земли дацанов. Наконец, по мнению владыки, необходимо было упразднение звания хамбо-ламы. За неповинование этим требованиям Вениамин рекомендовал наказывать высылкой. «При таких несложных правилах, — уверял он Кантакузена, — упростится надзор за ламами со стороны земской полиции и решится неразрешимый вопрос о наплыве заграничных лам в наши пределы и о путешествии тысячами наших бурят к Ургинскому Хутухте [почетный буддийский титул в Монголии — *А.Ф.*]»¹⁸.

Проект преосвященного был по итогу реализован в основных своих чертах. Лам, действительно, приписали к дацанам и обязали испрашивать разрешения на выезд у генерал-губернатора. А в 1890 г. Министерство внутренних дел издало временную инструкцию, изымавшую бурятских буддистов из ведения хамбо-ламы и подчинявшую их светской администрации [Сафонов 2017, с. 89; Полунов 1996, с. 120].

Победоносцева также беспокоила пропагандистская деятельность лам, которая препятствовала, по его убеждению, успехам православного миссионерства. Чтобы «отвлечь» инородцев от православных праздников, они приурочивали к ним языческие торжества¹⁹. Миссионерам приходилось прибегать к подобной же хитрости, совершая православные богослужения во время, предшествующее срокам исполнения языческих ритуалов, и стараясь обставить их как можно более торжественно и зрелищно²⁰.

¹⁷ Письма Вениамина, архиепископа иркутского, к казанскому архиепископу Владимиру. М., 1913. С. 185.

¹⁸ Частная переписка... // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1914. № 3. С. 91–92.

¹⁹ Всеподданнейший отчет... за 1884 г. СПб., 1886. С. 146.

²⁰ Всеподданнейший отчет... за 1886 г. СПб., 1888. С. 112.

Большой проблемой, с точки зрения обер-прокурора, было сохранение за ламами репутации искусственных врачевателей и целителей. Прикрываясь «медицинскими» целями, был уверен Победоносцев, ламы разъезжали по инородческим улусам и проповедовали²¹. Именно поэтому на миссионеров возлагались и обязанности по здравоохранению в среде инородцев. Они должны были наглядно демонстрировать им, что методы «традиционной медицины», применяемые ламами, крайне неэффективны, и тем самым постепенно развеивать целительский ореол вокруг фигуры буддийского духовного руководителя²².

Таким образом, в победоносцевском векторе этноконфессиональной политики существенную роль играл символический аспект. Консервативный сановник и его единомышленники настаивали на однозначности первенствующего и господствующего состояния православного христианства как государственной религии. Они стремились к демонстративному закреплению данного положения, в том числе через противопоставление ему статуса иноверцев.

Символический характер вероисповедной политики ярко отражен в мероприятиях в отношении иноверческого духовенства. Они были направлены на подрыв авторитета и влияния нехристианской религиозной «верхушки», стремились постепенно лишить муфтиев и лам тех характеристик и качеств, которые заставляли паству подчиняться их решениям. Репрезентативный потенциал иноверческого духовенства, с позиций победоносцевской политики, должен был быть ограничен настолько, чтобы воспрепятствовать появлению нехристианских религиозных лидеров.

²¹ Всеподданнейший отчет... за 1890 и 1891 годы. СПб., 1893. С. 292, 294.

²² См.: Болдонов Н. Воспоминания о деятельности Миссии в Балаганском ведомстве // Иркутские епархиальные ведомости (приложения). 1896. № 13. С. 299–300; Записки миссионера Кебезенского отделения Алтайской духовной миссии священника Сергея Ивановского за 1888 г. // Томские епархиальные ведомости. 1889. № 6. С. 19–20; Крещение по обету. Проявление силы Божией в таинстве крещения // Там же. 1890. № 4. С. 23; [Вениамин, еп. Селенгинский]. Указ. соч. С. 310.

ЛИТЕРАТУРА

- Коллманн 2023 – *Коллманн Н.Ш. Россия и ее империя. 1450–1801*. СПб.: «Библиороссика» / Academic studies press, 2023. 783 с.
- Круз 2020 – *Круз Р. За пророка и царя: ислам и империя в России и Центральной Азии*. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.
- Миллер 2021 – *Миллер А.И. Национальный вопрос в империи Романовых после 1905 г. // Российская империя между реформами и революциями, 1906 – 1916. Коллективная монография / под ред. А.И. Миллера и К.А. Соловьева*. М.: Квадрига, 2021. С. 249–271.
- Сафонов 2017 – *Сафонов А.А. Государство и конфессии в позднеимперской России: правовые аспекты взаимоотношений*. М.: Проспект, 2017. 352 с.
- Полунов 1996 – *Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III*. М.: «АИРО-XX», 1996. 144 с.

REFERENCES

- Kollmann, N.Sh. (2023), *Rossiya i ee imperiya. 1450–1801* [Russia and its empire. 1450–1801], “Bibliorossika” / Academic studies press, Saint Petersburg, Russia.
- Kruz, R. (2020), *Za proroka i tsarya: islam i imperiya v Rossii i Tsentral'noi Azii* [For Prophet and King: Islam and Empire in Russia and Central Asia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Miller, A.I. (2021), *Natsional'nyi vopros v imperii Romanovykh posle 1905 g.* [The National Question in the Romanov Empire after 1905], in Miller, A.I. and Solov'ev, K.A. (ed.) *Rossiiskaya imperiya mezhdu reformami i revolyutsiyami, 1906–1916. Kollektivnaya monografiya* [The Russian Empire between Reforms and Revolutions, 1906–1916. Collective monograph], Kvadriga, Moscow, Russia, pp. 249–271.
- Safonov, A.A. (2017), *Gosudarstvo i konfessii v pozdneimperskoi Rossii: pravovye aspekty vzaimootnoshenii* [The State and Confessions in

Late Imperial Russia: Legal Aspects of Relationships], Prospect, Moscow, Russia.

Polunov, A.Yu. (1996), *Pod vlast'yu ober-prokurora. Gosudarstvo i tserkov' v ehpokhu Aleksandra III* [Under the authority of the Chief Prosecutor. State and Church in the era of Alexander III], “AIRO-XX”, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антон Е. Фатеев, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; fant2507@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anton E. Fateev, master's student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; fant2507@gmail.com